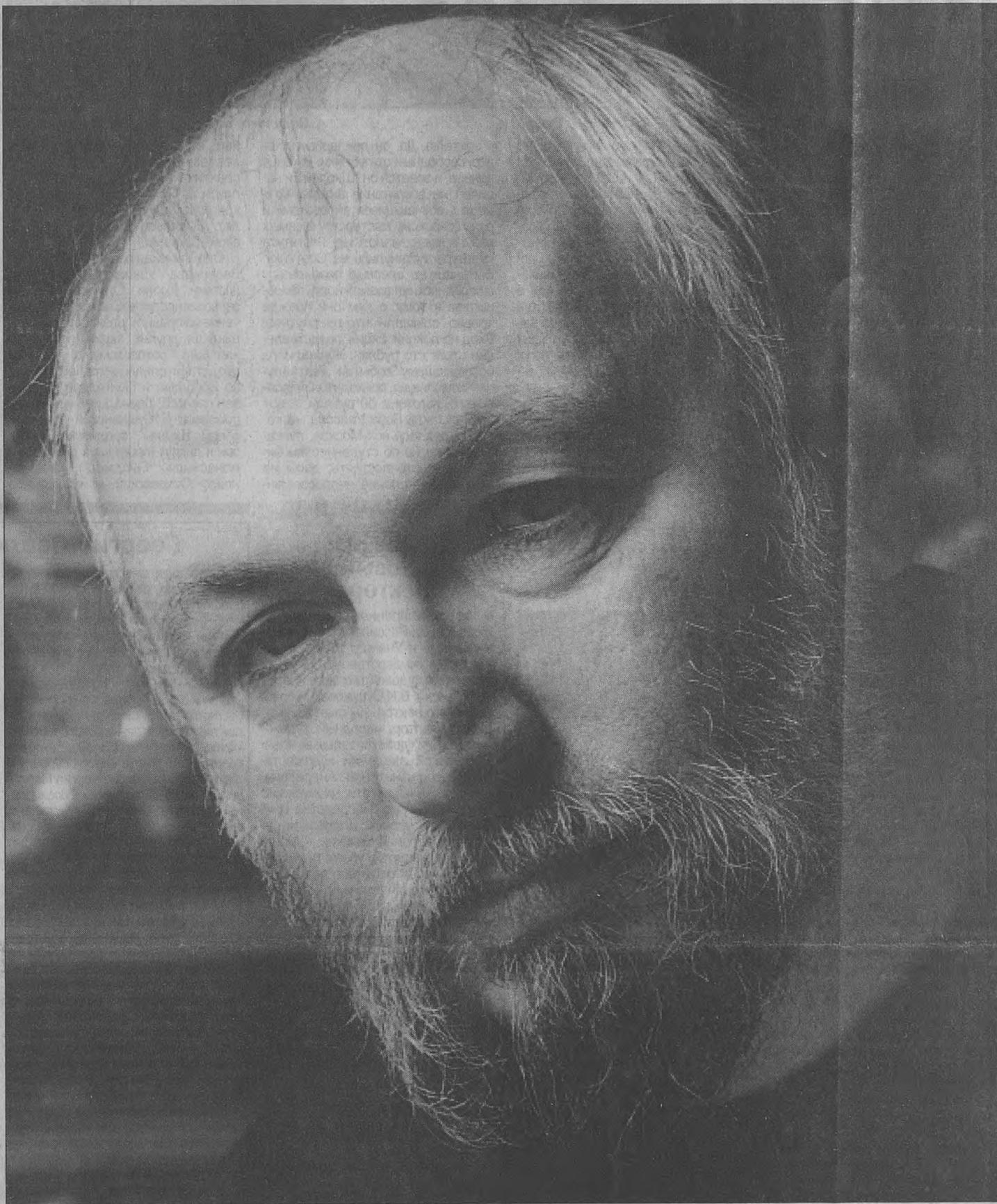

Кучубура. — 2001. — 17-23 мая. — с. 1, 11

Кама Гинкас — режиссер, который имеет право

Двадцать лет назад, с северо-запада, со стороны города Ленинграда, в Москву вошел молодой человек лет сорока (еще с добрый десяток лет его будут называть молодым режиссером), чтобы перевернуть наши представления о театральном искусстве. У него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, которым можно было бы квартиру отпереть. У него не было даже пальто. Его шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, на голове вызывающе сидел черный котелок, а на плечах огрызалась черно-рыжая шуба, которая в тот момент потрясла наше воображение не меньше его странных спектаклей. Не хватало только апельсиновых штиблет, но и без них он казался экзотической птицей на московском театральном горизонте и производил впечатление какого-то немислимо свободного от всех советских условностей сына турецко-подданного, который просто обязан взорвать сонную тишину размеренной столицы конца 70-х. Он и взорвал, подарив нашему поколению спектакль "с привкусом тайны и каверзы", своего "Пушкина и Натали". С него началось его восхождение к славе. Это наконец случилось, хотя и выглядело несправедливо: за его плечами были уже и другая жизнь (Товстоногов, Питер, Красноярск, ставший легендой), и имя, которое в Москве услышали, еще не зная его в лицо.

Он был влюблен в театр, как в женщину, и считал, что она, то есть он, должен потрясать публику.

"Если этого нет, то зачем? Манная каша, что ли? По-моему, это недостойно. У меня безразличное отношение к театру, который призывает к размышлению". Театр, в первую очередь, должен потрясать. Потрясать красотой. Весельем, жизнелюбием. Трагическими парадоксами жизни. Какими-то несовместимостями, контрастами. Театральными формами. Просто игрой, наконец... Обязательно потрясать!" Он точно знал, какой театр хотел бы создать. Этот театр жил в его голове, он сочинял его в стол, где 15 лет пылились его невозможные идеи. "Потрясением, которое перевернуло все в моей жизни, был "Король Лир" Питера Брука. Я знаю, что во мне оттуда. Я такой режиссер, какой я есть, поэтому. И потому, что меня учил Товстоногов. Мой скелет, мой костяк — это товстоноговская школа, конечно. Я много лет проклинал ее, хотел быть другой фигурой, но нет, от папы не избавиться. Скелет — товстоноговский".

Фото ЕЛАПИНОЙ

К.Гинкас

(Окончание на 11-й стр.).